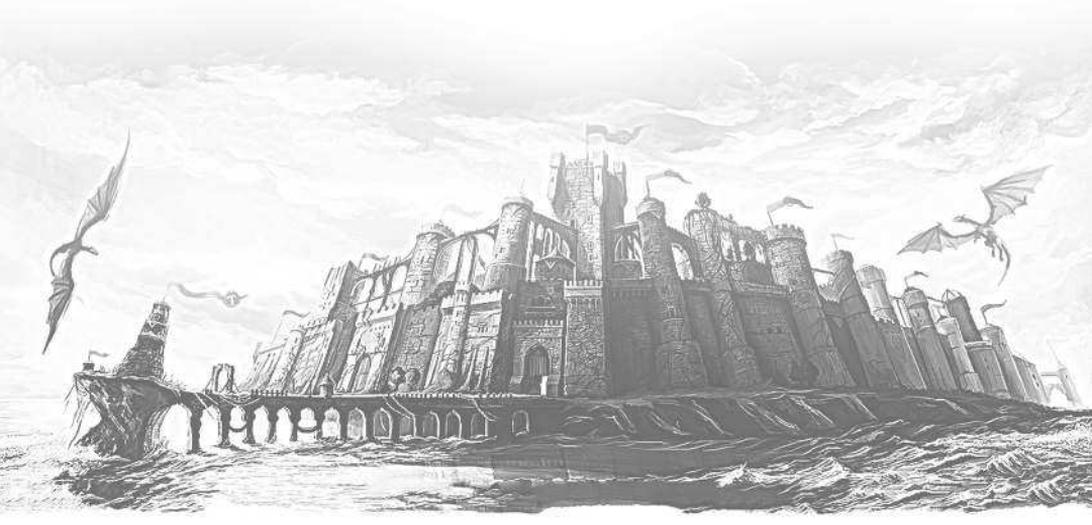

Таня Гроттер

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Таня Гроттер и магический контрабас

Таня Гроттер и Исчезающий Этаж

Таня Гроттер и Золотая Пиявка

Таня Гроттер и трон Древнира

Таня Гроттер и посох волхвов

Таня Гроттер и молот Перуна

Таня Гроттер и пенсне Ноя

Таня Гроттер и ботинки кентавра

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Таня Гроттер и локон Афродиты

Таня Гроттер и перстень с жемчужиной

Таня Гроттер и проклятие некромага

Таня Гроттер и болтливый сфинкс

Таня Гроттер и птица титанов

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

Таня Гроттер

и песне Ноя

Москва 2016

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Серийное оформление *Дмитрия Сазонова*
Иллюстрация на переплете *Евы Елфимовой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 *Таня Гроттер и пенсне Ноя* : [повесть] / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2016. — 384 с. — (Таня Гроттер. Легендарное детское фэнтези).

ISBN 978-5-699-84441-8

Пробил час, когда магические артефакты начинают играть особую роль. Некто подбрасывает волшебную книгу начинающему магу Генке Бульонову, вынуждая его произнести грозное заклинание. Обретает хозяйку печально известный жезл «Похититель душ». При прикосновении к груди он забирает душу, оставляя невредимым тело, в которое может вселиться любой маг. По непонятным причинам хмыри охотятся за старинным портретом Ноя, что уже многие столетия покрывается пылью на Главной Лестнице Тибидохса... А тем временем решается вопрос жизни и смерти: кого же выберет Таня Гроттер? Ваньке Валялкину и Гурию Пупперу надоела неопределенность. Только дуэль – магическая дуэль по суровым древним правилам – может поставить последнюю точку в этом затянувшемся романе. Итак, третий лишний или третий мертвый?..

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84441-8

© Емец Д., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

Все это ваше волнение и мысленная борьба есть больше ничего, как дело общего нашего приятеля, всем известного, именно — чорта. Но вы не упускайте из виду, что он шелкопер и весь состоит из надувань... Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он — точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечет, раскричится. Стоит только немножко струсить и податься назад — тут-то он и пойдет храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмет. Мы сами делаем из него великана... Пословица не бывает даром, а пословица говорит: Хвалился чорт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньей не дал власти.

Н.В. Гоголь

Жизнь счастливого человека — это полоса сверхзадач.

Глава 1

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ЛОПУХОИДОМ

Дождь барабанил в стекло. Шторы из предосторожности были плотно задернуты. Мама спала у себя в комнате, через стенку, но даже во сне ухитрялась замечать свет в соседнем окне, тускло разливавшийся по стене дома. Генка Бульонов, терпеливо дождавшийся, пока она заснет, метался теперь по тесной комнатке. В могучей груди почти двухметрового пятнадцатилетнего лоботряса кипящей ртутью бурлило негодование. На соседней улице Ленка Мумрикова отмечала день рождения. Мумрикова, выбившаяся из шестерок в тузы после необъяснимого исчезновения Пипы Дурневой, не мелочилась. Родители были сосланы на дачу без права возвращения. Весь класс — а Ленка пригласила всех, не больше и не меньше — собирался гудеть всю ночь.

Дмитрий Емец

Весь класс, за вычетом Генки. Мама считала, что ему полезно ложиться спать в десять часов. «Ты у меня такой слабенький!» — повторяла она, хотя в последний раз Бульон болел гриппом в третьем классе, про остальные же болячки знал только из энциклопедического словаря.

И вот теперь было уже два часа ночи. Мама давно спала, а Генка, раздраженный, как болотный хмырь, бегал по комнате и страдал. Ослушаться маму — об этом он даже помыслить не мог. При малейшей попытке неповиновения она вначале говорила колючим голосом, затем глотала сердечные лекарства и наконец принималась плакать — Генка же ощущал, что его потрошат заживо.

Мама у Бульона была особа экстраординарная. Ее вполне можно было занести в реестр уникальных, астрально опекаемых лопухоидов, тщательно пополняемый белым магом Агриппой IV с 1094 года. Генка поднимал донышком кверху гирю в двадцать четыре килограмма — а она мазала зеленкой каждый его прыщик, превращая его в нечто среднее между жабой и ягуаром. Бульон забрасывал в корзину мяч через всю баскетбольную площадку — а она водила его в школу за ручку и требовала носить шапку с помпоном до середины мая.

Вспомнив об этом, Генка взвыл и в животной тоске толкнул стол. На пол обрушилась стопка книг по оккультизму. Запестрели руны, коварно за-

мигали алкогольными градусами астрологические таблицы. Бульонов наклонился. Верхняя книга была открыта где-то на середине. Расправляя загнутую страницу, Генка выхватил из текста следующую фразу: *«В самое ближайшее время вас ждут крупные неприятности»*.

Генке это не понравилось. В третьем часу ночи он всегда становился излишне впечатлительным. Страшнее скоропостижной смерти для него были лишь утепленные стельки и жилетка с красными лошадами, которую мама подарила ему на день рождения. Он закрыл глаза, забродил пальцем по странице и, ткнув наобум в одну из строк, вновь прочитал: *«...коренной перелом в судьбе и дальняя дорога...»*

Суеверный Генка задышал носом. А тут еще, словно насмехаясь, кто-то энергично забарабанил в окно восьмого этажа. Форточка распахнулась. Тюлевые шторы вздулись и опали. Генка явственно увидел длинную белую руку, которая, просунувшись в форточку, потянула задвижку рамы. Бульон от ужаса заорал и закрыл глаза.

— Ты чего, с дуба рухнул? Своих не узнаешь? — прошипел кто-то.

Генка перестал орать и открыл один глаз. На подоконнике, положив подбородок на руки, сидела Гробыня и с интересом изучала его. На коленях у Склеповой лежала труба пылесоса. Сам пылесос стоял рядом.

Дмитрий Емец

«Вот это девчонка! Карабкаться на восьмой этаж, да еще с пылесосом!» — ошарашенно, но одновременно с восторгом подумал Генка.

— Бульон, а Бульон! Лапочка, дай попить, а то так есть хочется, что переночевать негде! — насмешливо попросила Гробыня.

Генка заметался. Чтобы попасть ночью на кухню, нужно пройти мимо комнаты чутко спящей мамы, что было опаснее фронтовой разведки. Застигнутый врагом разведчик хотя бы успевал застрелиться. К счастью, Склепова шутила: пить ей не хотелось.

— Чего молчишь, как карась? А «здрасьте» кто будет говорить? Девушка может обидеться! — пригрозила Гробыня.

— Здрасьте! — послушно повторил Бульонов.

— Ну спасибочки, благодетельствовал молодую и красивую! А теперь сразу говори «до свиданья»! Или на худой конец «чао-какао». Ну-с, я жду! — распорядилась Склепова.

Генка растерялся. Он никак этого не ожидал.

— Попрощаться? Так сразу? А как же...

— А ты на что надеялся, котик? На романтическое трио: ты, я и луна? — проворковала Гробыня. — Я за этим и залетела — чтобы попрощаться. Я возвращаюсь в Тиби... Впрочем, тебе не обязательно знать куда... Если у тебя есть какие-то другие прощальные слова, я внимательно слушаю!.. Нет слов? Хм... Ну тогда будем работать по сокращенной программе. Так и быть, можешь меня поцеловать!

— Поцеловать? — изумленно переспросил Бульонов. До сих пор он целовал только маму и иногда бабушку. Это было тоже полезно в своем роде, хотя они и не летали на пылесосе.

— О нет! Он и этого не умеет! — простонала Склепова. — Ну да, поцеловать! У тебя бумага есть?

— За-зачем бу-бумага? — не понял Генка.

— Как зачем? Я тебе схемку нарисую!

— Не надо! — отважно отказался Бульонов.

Он неуклюже приблизился, помялся и, набравшись храбрости, клюнул Гробыню в щеку. При этом обнаружилось, что он выше ее на две головы.

— И это все южные страсти? Эх ты, вечная мерзлота! Девушка с тобой плесенью покроется! Робкий ты, Бульон, какой-то! — разочарованно хмыкнула Склепова.

— А ты не робкая? — обиделся Генка.

Гробыня вздохнула:

— Ах, Бульон, я прошла суровую жизненную школу! У меня была не жизнь, а сплошная азбука выживания! Одна Гроттерша извела тонны моего драгоценного здоровья.

— Гроттерша? — удивленно переспросил Генка. Хотя прошло много лет и его память была магически блокирована, слово «Гроттерша» странным образом взволновало его, пробудив целую бурю неясных чувств.

Однако Гробыня не была расположена переживать Таньке кости. Предстоящий перелет в Тибидохс настраивал ее на сентиментальный лад.

Дмитрий Емец

— И не только Гроттерша... В сущности, Гроттершу очень даже можно выносить, если не трогать ее контрабас и не катить бочку на ее родственничков! — продолжала она, нежно обнимая трубу пылесоса. — Моя школа началась с моего братца. Я тогда еще жила среди лопухоидов, а у меня был колоритный двоюродный братец. Подрощенная такая сволочь, на три года старше... Наши родители в то время жили вместе, и их вечно не было дома. Они то заказывали венки, то устраивали могильщикам профилактический разбор полетов, чтобы они не охамели.

— Охамели?

— Ну, большая такая ритуальная халява, — нетерпеливо и еще непонятнее пояснила Гробыня. — Меня оставляли вместе с братцем, и он отрывался на полную катушку. В лучшем случае он меня щипал, в худшем пинал. У меня, извини, вся попа была в синяках. Помню, я два часа просидела запертая в туалете, потому что к нему пришли приятели: они играли в карты и я им, видите ли, мешала. Вначале я рыдала, потом колотила в дверь, а они только ржали... А затем я услышала, как они открыли шкаф и выбрасывают оттуда мои вещи, а потом стали ломать отверткой замки, чтобы залезть в мой стол. Это был уже финиш... Я совсем озверела. Почти не помню, что дальше было. Я заорала, и вдруг дверь вылетела сама собой, хотя я к ней и не прикасалась. Даже не с треском вылетела, а почти без шума — пук! — будто пробка. Потом родители удивлялись — петли точно но-

жом срезало. Я ворвалась в комнату. Их там было четверо. Они уже бросили играть в карты и были все у моего стола. «Это ты, Гробыня? А ну, песик, на место! Марш в туалет!» — сказал мне братец. И тут...

Склепова сжала и разжала ладони. Щеки у нее пылали от негодования. Она заново переживала тот миг.

— Не важно, что было дальше... Ты, Бульон, личность ранимая, не буду тебя грузить. Скажу лишь, что к тому моменту, как меня забрали на черное отделение, брат и его приятели не просто меня уважали. Они меня чудовищно уважали! Чуть ли не тапочки носили в зубах, не говоря уж о прочем!..

Неожиданно в рюкзачке у Склеповой заверещал зудильник.

— А это еще что? Кто меня дергает? — буркнула Гробыня.

Пока она открывала рюкзак и рылась в нем, зудильник едва не лопнул от негодования. Бульонов с изумлением смотрел на плоское блюдо, производившее назойливые звуки. Гробыня на секунду задумалась, соображая, не совершает ли она что-то непоправимое, отвечая по зудильнику при лопухоиде. Но врожденное разгильдяйство победило. Склепова махнула рукой, словно говоря: ладно, чего уж там! Какие тут тайны!

— Гробыня? Ты куда подевалась? — появляясь на блюде, с возмущением произнес Готфрид Бульонский.

Дмитрий Емец

— Да здесь я, здесь! Чего трезвонить-то? — недовольно сказала Склепова. К Спящему Красавцу она всегда относилась малость прохладно.

— Как ты со мной разговариваешь?! Я звоню по просьбе академика Сарданапала... К тебе вернулась магия?

— Да вроде, — проворчала Гробыня, опасливо косясь на Генку.

— Академик тебя ждет! Ты летишь в Тибидохс или нет?

— Уже лечу! Разве не видно? — сказала Склепова.

— Летишь? Ты уверена? А почему я вижу занавески? — подозрительно спросил Готфрид.

— Занавески? Какие занавески? Это тучки так глючат! — пояснила Гробыня и, сохраняя на лице невинное выражение, принялась энергично трясти зудильник.

— Что случилось? Почему ты рябишь? — забеспокоился Готфрид.

— Алло, гараж! Помехи связи!.. Я скоро буду! — заявила Гробыня и, поспешно отключившись, нахмурилась. — Вот дурак этот Готфрид! Прямо капитальный! — задумчиво сообщила она Генке. — Попробуй я выкинуть такую штуку с его женой, мне все каникулы пришлось бы изучать жизнь крыс.

— Это как? — не понял Бульон.

— А так. Изнутри шкурки. Или еще хуже: все пальцы на руках превратились бы в дождевых червей... Вообрази, мерзко, да? Одна радость: отшибает аппетит не тебе одной.

Генка Бульонов изумленно заморгал. Он во все глаза смотрел на говорящее блюдо.

— Это чего такое было, а? — взволнованно поинтересовался он.

— Да так, мелочь! Психованная миска... Не обращай на нее внимания. Кстати, только что в голову пришло. Ты этому не родственник?

— Кому?

— Да Готфриду же! Поднапряги чуток извилины. Бульонов — Бульонский, Генка — Готфрид. Похоже, да? Если разобраться, мир полон копий одного и того же. Порой мне кажется, что на свете живет от силы человек двадцать, но все они для забавы укрываются в разных телах. Я до этого додумалась, когда мне стали попадаться совершенно одинаковые парни. А потом я поняла, что не только парни. Прямо замкнутый круг какой-то. Куда ни пойдешь — встречаешь одних и тех же. Иногда мне кажется, что людей в мире не больше, чем карт в колоде.

— Нет, Бульонский мне не родственник! — сказал Генка, которому это сравнение не очень-то понравилось.

Гробыня покачала головой:

— Напрасно. Готфрид вроде аристократ какой-то. Кладов небось в свое время напрятал — обалдеть. Можно было бы грузануть его: типа, я твой любимый праправнук, приперся стрельнуть чуток денжат. Грузовик с прицепом...

Мадемуазель Склепова замолчала и зевнула, добавив в зевок немного загадочности. Похоже, мыслями она была уже в Тибидохсе.

